

Х. Арендт

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ КАНТА:
КУРС ЛЕКЦИЙ

Мы уже обсуждали понятие «критика», которое Кант, в соответствии со своим собственным пониманием, перенял у Просвещения; и если мы в нашем изложении и вышли за пределы трактовки самого Канта, то остались все же в его духе. Как он сам говорил, последующие поколения часто «понима[ют] автора лучше, чем он сам себя»². Мы говорили, что Кант, хотя негативный дух критицизма никогда не покидал его ум, понимал под «критикой» не критику «книг и систем, а критику способности разума вообще»³; таким образом, мы говорили, что он полагал найденным выход из тупика стерильной альтернативы догматизма и скептицизма, обычно разрешаемой в науке «полны[м] индифферентизм[ом] – мат[ерью] Хаоса и Ночи»⁴. В диалоге между скептиком и догматиком я рассказывала вам о скептике, который перед лицом стольких истин (или, точнее, людей, каждый из которых претендует на обладание истиной, и ожесточенной битвы между ними) восклицает: «Истина не существует!», и тем самым произносит волшебное слово, которое объединяет всех догматиков. В эту битву вмешивается критик и прерывает спор: «Вы оба, догматик и скептик, похоже, имеете одинаковое понятие истины, а именно, что истина есть нечто, по определению исключающее другие истины, так что все они взаимно друг друга исключают. Возможно, — говорит он, — что-то с вашим понятием истины не в порядке. Возможно, — добавляет он, — люди как смертные существа имеют представление об истине, но не могут обладать ею. Давайте сначала исследуем эту нашу способность, говорящую нам, что истина существует». Без сомнения, «критика ограничивает спекулятивный разум, в действительности она негативна»⁵; но на основании этого «отрицать эту положительную пользу критики все равно, что утверждать, будто полиция не приносит никакой положительной пользы, так как главная ее задача заключается в предупреждении насилия одних граждан над другими для того, чтобы каждый мог спокойно и безбоязненно заниматься своими делами»⁶. После того как Кант закончил свою «Критику чистого разума», анализ нашей познавательной способности, Мендельсон назвал его *Alles-Zermalmer* — «всеразрушающим», т. е. разрушителем всякой веры в возможность что-либо *знать* в так называемых метафизических вопросах и в то, что может существовать такая

«наука», как метафизика, имеющая такую же действительность, как и все остальные науки.

Но Кант сам явно не видел деструктивную сторону своего предприятия. Он не понимал, что в действительности разрушил весь механизм, сохранявшийся, хотя часто и подвергаемый критике, многие столетия вплоть до настоящего времени. Он полагал, совершенно в духе своего времени, что «потеря затрагивает лишь монополию школ, а никоим образом не интересы людей», которые в результате освободятся от «утончен[ых], хотя и бесплодн[ых] различений[и]», которые в любом случае никогда не «доходили... до широкой публики и [не] могли... иметь на их убеждения хоть какое-нибудь влияние»⁷. (Я цитирую здесь из двух предисловий к «Критике чистого разума», адресованных тем, к кому Кант обращается в другом месте как к «читающей публике».) И предметом критики вновь становятся «дерзкие притязания школ», считающих себя «единственными знатоками и хранителями»

¹ Продолжение, начало см. в Кантовском сборнике. 2009. 1(29). С. 122–128; 2009. 2(30). С. 126–132; 2010. 1(31). С. 112–117; 2010. 2(32). С. 109–113; 2010. 3(33). С. 113–119.

Перевод с английского выполнен по изданию: *Arendt H. Lectures on Kant's Political philosophy / ed. and with an interpretative essay by R. Beiner. Chicago, 1982* и сверен по немецкому изданию: *Arendt H. Das Urteilen. Texte zu Kants politische Philosophie / herausgegeben und mit einem Essay von R. Beiner; aus dem Amerikanischem von U. Ludz. München, 1985.*

Все примечания к данному тексту принадлежат переводчику.

² Кант И. Критика чистого разума [В 370] // Кант И. Сочинения: в 8 т. М., 1994. Т. 3. С. 284.

³ Там же [А XII]. С. 11.

⁴ Там же [А X]. С. 10.

⁵ Арендт не совсем точно цитирует Канта. У Канта: «Критика, поскольку она ограничивает чувственность... негативна». (см.: Кант И. Критика чистого разума. [В XXV] // Кант. И. Указ. соч. Т. 3. С. 28).

⁶ Там же [В XXV]. С. 28.

⁷ Там же [В XXXII]. С. 32.

истин — истин, которые не только являются «общечеловеческ[ими] интерес[ами]», но к которым «так же легко может прийти громадное (по нашему мнению, наиболее достойное уважения) большинство людей»⁸. Об университетах достаточно. Что касается правительств, Кант добавляет, что если бы они считали вмешательство правильным, то было бы намного мудрее «способствовать свободе такой критики... а не поддерживать смехотворный деспотизм школ, которые громко кричат о нарушении общественной безопасности, когда кто-то разрывает их хитросплетения, между тем как публика их никогда не замечала и потому не может ощущать их утрату»⁹.

Я прочитала вам больше, чем планировала изначально: частично, чтобы создать впечатление об атмосфере, в которой были написаны эти книги, и частично потому, что последствия, даже если дело не дошло до вооруженного восстания, были в конечном итоге намного серьезнее, чем предполагал Кант. Что касается атмосферы: дух Просвещения не продержался долго на высоком уровне, и лучше всего его можно продемонстрировать, если сравнить с позицией следующего поколения, очень точно выражаемой молодым Гегелем: «По природе своей философия есть нечто эзотерическое, не для толпы сотворенное и к приготовлению для вкусов толпы неприспособленное; она потому и философия, что прямо противоположна рассудку, а тем более здравому человеческому смыслу, под которым понимается пространственная и временная ограниченность извечного рода, поколения людей; относительно здравого смысла мир философии в себе и для себя есть мир перевернутый»¹⁰. Дело в том, что «начало философии должно быть возвышением над истиной, которую дает общее сознание, и предчувствием высшей истины»¹¹.

Если мы мыслим в категориях прогресса, то это, конечно, «возвращение» к тому, чем философия была в самом своем начале, и Гегель повторяет рассказанную Платоном историю о Фалесе, выражая сильное негодование по отношению к смеющейся фракийской крестьянке¹². Кант в какой-то мере сам виноват в том, что его критическая философия едва ли не сразу была понята как другая «система» и как таковая подвергнута критике следующим поколением, когда дух Просвещения, вдохновивший ее, был утрачен.

Тем не менее когда это «возвращение» вместе с системами немецкого идеализма, поколением детей Канта, исчерпало себя, поколение, которое могло бы быть его внуками или правнуками — от Маркса до Ницше — по-видимому, решило, под влиянием Гегеля, вообще покинуть философию. Если вы мыслите в категориях истории идей, то можете сказать, что следствием «Критики чистого разума» могло бы быть либо господство критического мышления, либо «понимание», что разум и философское мышление больше не нужны и что «критика» означает разрушение всего, к чему она прикасается — в противоположность представлению Канта о «критике» как об установлении пределов и очищении.

Есть и другая книга, в которой слово «критика» использовано в названии и упомянуть которую я забыла. «Капитал» Маркса первоначально назывался «Критика политической экономии», а в его предисловии ко второму изданию упомянут диалектический метод как одновременно «критический и революционный». Маркс знал, что делает. Он, как и многие после него и Гегель до него, называл Канта «философом Французской революции». Для Маркса, но не для Канта, критика была тем, что соединяет теорию с практикой, устанавливает отношения между ними и, как говорится, является связующим звеном. Пример Французской революции, событию, которому предшествовала эпоха критицизма и Просвещения, послужил поводом для точки зрения, что вслед за *теоретическим* демонтажем *l'ancien régime*¹³ последовал *praxis* его разрушения. Вот каким образом — пример кажется убедительным — «идея охватывает массы». Вопрос здесь не в том, правда ли, что именно так возникает революция; вопрос, скорее, в том, что именно вкладывал Маркс в это понятие, поскольку он рассматривал колоссальное предприятие Канта как величайший труд Просвещения и вместе с Кантом верил, что революция и просвещение взаимосвязаны. (Для Канта «средний термин», который связывает и обеспечивает переход от теории к практике, — это суждение; он держал при этом в уме практикующего специалиста, например врача или правоведа, сначала изучающих теорию, а затем практикующих

---

⁸ Там же [В XXXIII]. С. 33.

⁹ Там же [В XXXV]. С. 34.

¹⁰ Гегель Г. В. Ф. О сущности философской критики вообще // Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: в 2 т. М., 1972. Т. 1. С. 279–280.

¹¹ Hegel G. W. F. Verhältnis des Skeptizismus zur Philosophie... (1802) // Sämtliche Werke. Jubiläumsausgabe, a. a. O. Bd. I. S. 243.

¹² Имеется в виду история, рассказанная Платоном в диалоге «Теэтэт» [174a-d], о том, как Фалес, созерцая движение небесных светил, не заметил у себя под ногами колодез и упал в него, а какая-то фракийская служанка посмеялась над ним, потому что он стремится знать, что на небе, но не замечает того, что под ногами. Возможно, этот факт не имеет существенного значения, но, пожалуй, имеет смысл отметить, что в американском и немецком изданиях «Лекций» фракийская девушка называется «фракийской крестьянкой», в то время как в греческом оригинале употребляется словосочетание «thratta... therapainis», которое совершенно точно переводится в отечественном издании диалогов Платона как «фракийская служанка».

¹³ L'ancien régime — королевский строй (во Франции).

медицину или право, и эта практика заключается в применении изученных правил к конкретным случаям)¹⁴.

Мыслить критически, прокладывая тропу мышления через предрассудки, через непроверенные мнения и убеждения есть древнее занятие философии, которое мы можем проследить в той мере, в какой оно является предприятием сознательным, до сократовской роли повитухи в Афинах. Кант знал об этой связи. Он прямо говорил, что желает «сократическим методом» заставить замолчать всех противников, «совершенно ясно доказывая [их] незнание»¹⁵. В отличие от Сократа он верил в «будущую систему метафизики»¹⁶, но то, что в итоге оставил потомкам, были *критики*, а не система. Метод Сократа состоял в освобождении своих собеседников от всех необоснованных убеждений и ложных призраков, наполнявших их умы¹⁷. Согласно Платону он делал это при помощи искусства *krinein*, т.е. посредством выделения, обособления и различения (*technē diakritikē* – искусство различать)¹⁸. Согласно Платону (но не Сократу) результатом является «очищение души от мнений, препятствующих знанию»¹⁹; согласно Сократу исследование не приводит к знанию, и среди его партнеров не было такого, кто не разрешался бы от бремени «ложным призраком»²⁰. Сократ ничему не учил и не имел ответов на вопросы, которые задавал. Он практиковал поиск истины ради самого поиска истины, не ради знания. Если бы он знал, что такое мужество, справедливость, благочестие и т.д., то никогда бы не ощутил желания их исследовать, т.е. размышлять о них. Уникальность Сократа заключается в этой концентрации на самом мышлении, независимо от результата, без скрытого мотива или скрытой цели для всего предприятия. Жизнь без подобного поиска не стоит того, чтобы жить – речь именно об этом. Что он в действительности делал, так это посредством рассуждения раскрывал перед общественностью мыслительный процесс – тот диалог, который беззвучно происходит во мне между мной и мной самим; он устраивал *представление* на рыночной площади точно так же, как флейтисты выступали на пиру. Это чистой воды представление, чистой воды действие. И точно так же, как игрок на флейте следует определенным правилам, чтобы хорошо исполнить пьесу, Сократ обнаружил, что существует лишь одно правило, имеющее власть над мышлением, – правило «последовательного мышления» (как назвал его Кант в «Критике способности суждения»²¹) или, как оно стало называться позднее, аксиома непротиворечивости. Эта аксиома, которая для Сократа была как «логической» (не говори и не думай никакой бессмыслицы), так и «этической» (лучше быть несогласным со многими, чем, *будучи единым целым*, быть несогласным с самим собой, т.е. противоречить самому себе)²², стала у Аристотеля первым принципом мышления, но лишь мышления. И все же благодаря Канту, все моральное учение которого собственно на этом и основывается, она снова стала частью этики; потому что этика у Канта также опирается на мыслительный процесс: поступай так, чтобы ты мог пожелать, чтобы максима твоего поступка стала всеобщим законом, т.е. законом, которому ты сам бы подчинялся. Это снова то же самое всеобщее правило – не противоречь самому себе (имеется в виду не ты сам, а твоё мыслящее «Я»), определяющее и мышление, и действие.

Сократический метод имел для Канта значение и по другой причине. Сократ не был членом какой-либо секты, не основал школы. Он стал олицетворением философа, потому что вступал в беседу со всеми, приходящими на рыночную площадь – был незащищен, открыт для обсуждения любого вопроса или требования и жил в соответствии со сказанным. Школы и секты, выражаясь языком Канта, являются непросвещенными, потому что они зависят от учения их основателя. Уже начиная с Академии Платона они всегда находились в оппозиции к «общественному мнению», к обществу в целом, к «ним»; но это не означает, что они не опираются ни на какой авторитет. Образцом является здесь школа пифагорейцев, конфликты которой могли разрешаться апелляцией к авторитету основателя, к *autos epha, ipse dixit*, «он так сказал». Иными словами: бездумному догматизму многих противостоит хотя и элитарный, но в равной степени бездумный догматизм немногих.

Если мы еще раз рассмотрим отношение философии к политике, то ясно, что искусство критического мышления всегда имеет политические последствия. В случае с Сократом последствия были трагическими. В отличие от догматического мышления, которое в действительности может рас-

¹⁴ Кант И. О поговорке «Может это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Указ соч. Т. 8. С. 158.

¹⁵ Кант И. Критика чистого разума [В XXXI] // Там же. Т. 3. С. 32.

¹⁶ Там же [ВXXXVI]. С. 34.

¹⁷ Платон. Теэтет [148 и далее] // Платон. Собр. соч. в 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 199–202.

¹⁸ Платон. Софист [226–231] // Там же. С. 287–295.

¹⁹ Там же [231 e]. С. 295.

²⁰ В оригинале у Ханны Арендт стоит Windegg – «яйцо-болтун», «яйцо без зародыша», т.е. нечто пустое и бесплодное. В русском языке нет соответствующей идиомы. В греческом оригинале употреблено слово «eidolon», которое переводится на русский язык как «призрак», причем само выражение выглядит как «eidolon, kai me alethes», т.е. «призрак, и к тому же ненастоящий». Поэтому я перевожу это слово исходя из греческого оригинала платоновского «Теэтета» [151 c] и его перевода на русский в отечественном издании диалогов Платона – «ложный призрак».

²¹ Кант И. Критика способности суждения [В 158] // Кант И. Указ соч. Т. 5. С. 135.

²² См.: Платон. Горгий [482 c] // Платон. Указ соч. Т. 1. С. 522.

пространять новое и «опасное» учение, но делать это за защитными стенами школы, заботящейся об *arsana*, тайном, эзотерическом учении, а также в отличие от спекулятивного мышления, редко кого беспокоящего, критическое мышление в принципе своем антиавторитарно. А что касается авторитетов, самое худшее — это то, что их нельзя ни поймать, ни ухватить. Обвинение Сократа на суде в том, что он якобы вводит в полисе новых богов, было ложным, выдуманым; Сократ ничему не учил, и уж тем более не учил он о новых богах. Однако другое обвинение, что он якобы портил молодежь, было выдвинуто не без основания. Беда людей критического мышления в том, что «повсюду, куда ни упадет их взор, они сотрясают опоры известнейших истин» (Лессинг). Это, несомненно, случай Канта. Кант был «всеразрушающим», хотя он никогда не выходил на рыночную площадь и хотя «Критика чистого разума», представляющая собой одну из сложнейших, впрочем, безусловно, не самых непонятных книг в философии, вероятно, никогда не станет популярной у любимой Кантом «читающей публики». Дело, скорее, в том, что Кант, в отличие от почти всех других философов, испытывал по этому поводу горькое сожаление и никогда не оставлял надежды, что когда-нибудь станет возможным популяризировать его идеи и его «тропинка» для немногих когда-нибудь станет «столбовой дорогой» для всех²³. В свойственном ему апологетическом тоне, пишет он Мендельсону 16 августа 1783 года, двумя годами спустя после публикации «Критики чистого разума»: «...Результаты своих по меньшей мере двенадцатилетних размышлений я обработал в течение каких-нибудь четырех или пяти месяцев как бы на ходу... гораздо менее заботясь об изложении, которое облегчило бы читателю его усвоение... поскольку без всего этого и при более длительной отсрочке с целью придать сочинению популярность оно, вероятно, вообще не было создано, тогда как последняя ошибка со временем может быть устранена, если только существует само произведение, пусть еще в недостаточно обработанном виде»²⁴.

Критическое мышление, согласно Канту и Сократу, само представляет себя «на проверку свободному и открытому мышлению», и это означает, что чем больше людей примет в ней участие, тем лучше. Поэтому Кант в 1781 году, сразу после выхода в свет «Критики чистого разума», «набросал план ее популяризации». «Потому что... каждое философское сочинение», как он пишет в 1783 году, «должно быть изложено доступно, иначе под покровом мнимого глубокомыслия может таиться бессмыслица»²⁵. На что Кант рассчитывал в своей надежде на популяризацию — и это столь нетипично для философа, принадлежащего к племени с обычно сильными сектантскими тенденциями, — так это на постепенное увеличение круга испытующих. Эпоха Просвещения — это эпоха «публичного применения разума»; поэтому важнейшей политической свободой для Канта была не «*libertas philosophandi*», как это было для Спинозы, а свобода слова и печати.

Слово «свобода», как мы видим, имеет у Канта много значений; но политическая свобода определяется везде в его трудах совершенно недвусмысленно: «*во всех случаях публично пользоваться собственным разумом*»²⁶. «Под публичным же применением собственного разума, — продолжает он, — я понимаю такое, которое осуществляется кем-то как ученым перед всей читающей публикой». Есть ограничения, на которые указывают слова «как ученым»; ученый — это не то же самое, что и гражданин; он принадлежит к общности совсем другого рода, а именно к «сообществу граждан мира», и в этом качестве он обращается к публике. (Пример Канта совершенно ясен: офицер на службе не имеет права отказаться выполнять приказ. «Однако по справедливости ему как ученому нельзя запрещать делать замечания об ошибках в воинской службе и предлагать это своей публике для обсуждения»²⁷ — как ученому, т. е. как гражданину мира.)

Свобода слова и мысли, как мы ее понимаем, это право индивидуума на выражение себя и своего мнения, дающее возможность побудить других разделить его точку зрения. Это предполагает, что я способен совершенно самостоятельно формировать свое мнение и требую от правительства права на его пропаганду. Точка зрения Канта на этот вопрос совершенно другая. Он полагает, что сама мыслительная способность зависит от своего публичного применения. Без «проверки посредством свободного и публичного исследования» невозможно никакое мышление и никакое формирование мнения. «Разум создан не для того, чтобы существовать изолированно, но чтобы он был помещен в общество»²⁸.

Позиция Канта по этому вопросу поистине примечательна, потому что это позиция не политического человека, но философа или мыслителя. Мышление, и здесь Кант согласен с Платоном, — это немой диалог с самим собой (*das Reden mit sich selbst*); и то, что мышление является «уединенным делом» (как однажды заметил Гегель), — есть то небольшое, в чем сходятся во мнении все мыслители.

²³ Кант И. Критика чистого разума [В 884] // Кант И. Указ. соч. Т. 3. 1994. С. 622.

²⁴ Кант — Мендельсону [16 августа 1783 г.]. Избранные письма // Там же. Т. 8. С. 513.

²⁵ Кант — Гарве [7 августа 1783 года]. Избранные письма // Там же. С. 507.

²⁶ Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? // Там же. С. 31.

²⁷ Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? // Кант И. Указ. соч. Т. 8. С. 32.

²⁸ Kant I. Reflexionen zur Anthropologie. № 897 // Kants gesammelte Schriften. Bd. 18. S. 267.

Таким образом, то, что вы нуждаетесь или можете выносить общество других в момент глубокого погружения в мысли, далеко от истины; с другой стороны, пока вы не сможете каким-либо образом сообщить и представить на пробу другим, устно или письменно, то, что вы поняли во время пребывания наедине с самим собой, способность, осуществляющаяся в уединении, будет исчезать. Словами Ясперса: истина это то, что я могу сообщить. Истина в естественных науках зависит от эксперимента, который может быть повторен другими; она нуждается в общезначимости. Чем она должна обладать — так это тем, чего Кант требовал в «Критике способности суждения» от суждений вкуса — «всеобщей сообщаемостью»²⁹. «В самом деле, сообщать друг другу прежде всего то, что касается самого человека, — это естественная человеческая склонность»³⁰.

Перевод с английского А. Н. Саликова.

О переводчике

Саликов Алексей Николаевич — канд. филос. наук, старший научный сотрудник Института Канта Российского государственного университета имени Иммануила Канта, salikov123@mail.ru

About translator

Dr. Alexei Salikov, Senior Research Fellow, Kant Institute, Immanuel Kant State University of Russia, salikov123@mail.ru

---

²⁹ Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Указ. соч. Т. 5. С. 136.

³⁰ Кант И. О поговорке «Может это и верно в теории, но не годится для практики» // Там же. Т. 8. С. 195.